Социальная структура, социальные институты и процессы
Social Structure, Social Institutions and Processes)

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-91-107

УДК 316.344.2

ВЕЛИКИЙ Пётр Панфилович

Институт аграрных проблем Российской академии наук
г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

Введение. В статье рассмотрены социально-экономические факторы становления качества жизни населения сельских территорий и социальный механизм приведения его параметров к более высокому уровню. Автор считает, что объём элементов, составляющих качество жизни, нельзя ограничивать набором услуг или предметов и их доступностью. Не менее актуальны такие измерения, как человеко-косоразмерность, иерархия доминирующих смыслов хорошего в разных типах общностей социальных территорий. Рассмотрена зависимость средств воздействия на ситуации в зависимости от природно-климатических условий, пространственной концентрации экономики и территориальной удаленности от центров урбанизации.

Методы. Для анализа предпосылок становления хорошего качества жизни в локальном измерении, на уровне разных типов сельских поселений введено понятие «подручность», которое может быть операционализировано под углом зрения хабитуса, укорененной привычки считать то или иное благо исключительным, присущим только своей сельской территории. Оценены социально-экономические угрозы и вызовы, которые существуют сегодня в отношении функционирования сельского хозяйства, в контексте изменений его структуры, возможностей сельского населения иметь устойчивые каналы поступления средств удовлетворения своих потребностей.

Результаты. Приведены аргументы в отношении отсутствия практик создания новых хозяйственных организаций на селе, что является наибольшим препятствием становления качества жизни сельского населения.

Выводы. Учитывая ограничения, сопутствующие реализации любых проектов преобразования условий в широких масштабах, автор считает, что новая Государственная программа комплексного развития сельских территорий на 2020–2025 годы открывает большие возможности для сотрудничества отраслевых органов управления и локальных сельских сообществ по расширению масштабов преобразования жизненной среды сельчан, формирование хорошего качества их жизни.

Ключевые слова: социальный механизм, сельские территории, качество жизни, человекосоразмерность, подручность, сельскохозяйственные организации, типы поселений, социально-демографические группы

Для цитирования: Великий П.П. Социальные механизмы повышения качества жизни населения сельских территорий. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2019. Том. 11. № 5. с. 91-107.
doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-91-107.

Peter P. VELIKIY

Institute of Agrarian Problem of the Russian Academy of Sciences
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

SOCIAL MECHANISMS FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF RURAL TERRITORIES

Introduction. The article considers the socio-economic factors of the formation of the quality of life of the population of rural areas and the social mechanism of bringing its parameters to a higher level. The author believes that the volume of the elements that make up the quality of life cannot be limited by the range of services or items and their availability. No less relevant are such dimensions as human dimension, the hierarchy of the dominant meanings of the good in different types of communities of social territories. The dependence of the means of influencing the situation depending on the natural and climatic conditions, spatial concentration of the economy and territorial distance from urbanization centers is considered.

Methods. To analyze the prerequisites for the establishment of a good quality of life in the local dimension, at the level of different types of rural settlements, the concept of "handicap" was introduced, which can be operationalized from the point of view of habitus, the rooted habit of considering this or that good as exceptional, inherent only in its rural territory. The socio-economic threats and challenges that exist today in relation to the functioning of agriculture, in the context of changes in its structure, the ability of the rural population to have sustainable channels for the flow of funds to meet their needs, are assessed.

Results. Arguments are given regarding the lack of practice in creating new business organizations in the countryside, which is the greatest obstacle to the establishment of the quality of life of the rural population.

Conclusions. Given the limitations associated with the implementation of any projects to transform conditions on a large scale, the author believes that the new State Program for the Integrated Development of Rural Territories for the 2020–2025 years opens up great opportunities for cooperation between sectoral governing bodies and local rural communities to expand the scale of transformation of the living environment of the villagers, the formation of a good quality of life.

Keywords: social mechanism, rural areas, quality of life, human dimension, helpability, agricultural organizations, types of settlements, socio-demographic groups

For citation: Velikiy P.P. Social mechanisms for improving the quality of life of the population of rural territories. *Historical and Social-Pedagogical Studies*. 2019. Vol. 11. No.5. PP. 91-107.

doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-91-107. (In Russ., abstract in Eng.).

Уже более четверти века органы государственной статистики фиксируют значительные диспропорции между селом и городом по уровню оплаты труда, бытовым условиям, состоянию здоровья и социального самочувствия жителей. Хотя разрабатывались и принимались государственные программы по разным направлениям жизни сельских территорий, но они не всегда выдерживались в духе совместности решений федеральными отраслевыми органами назревших проблем и нередко вносили дезорганизацию в доступность социальных благ (оптимизация в сфере здравоохранения).

В мае 2019 года принята государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», которая будет действовать с 2020 по 2025 годы. Выделяются значительные финансовые средства по десяти Подпрограммам, охватывающим многие стороны условий жизни населения сел и деревень: жилья, коммунальных услуг, транспорта, инженерных сооружений, газоснабжения и другое.

В качестве организаторов дела на местах выступают муниципалитеты регионов и отраслевые региональные органы федеральных министерств и ведомств. Они соответственно институализации могут не только осваивать выделенные средства, но и обладают возможностями проявлять творческую инициативу по реализации, применяя тот или иной механизм перевода общих положений Программы на язык практики. Реализация программы призвана повысить качество жизни сельчан, повлиять на смысложизненные цели, уменьшить темпы миграции по оттоку, увеличить приток в сельские территории новых обитателей. Но при этом возникает ряд проблем, требующих анализа с позиции междисциплинарного научного подхода. Известно, что нет прямой связи между укреплением материальной стороны жизни, улучшением инфраструктуры и поведением индивидов и целых групп — коллективов и сообществ. Люди, сориентированные на отъезд из села, могут просто не обратить внимание на вводимые позитивные изменения. В тоже время бывают относительно тесные зависимости, что свидетельствует о совпадении смыслов жителей с целями, воплощенными в программах или проектных документах. Многое зависит и от социальных технологий участия жителей локальных сельских территорий в реализации разных направлений программирования.

Есть множество и других моментов достижения позитивных результатов программного решения проблем и целым рядом экономических, социокультурных, природно-климатических условий разных регионов. Очень важна роль и человеческого потенциала как самого населения сельских территорий, так и кадров, призванных управлять разными ресурсами. Эти предпосылки могут оказывать серьезное влияние на избрание моделей социального механизма реализации любой новации в сельских территориях. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать актуальные вопросы жизнеустройства сельских территорий с позиции: во-первых, социологических представлений о хорошем качестве жизни, и во-вторых, через выявление потенциала управленческих рычагов, в частности социального механизма позитивных преобразований.

Ключевыми понятиями избранного аспекта темы являются социальный механизм, сельская территория, качество жизни, сельские жители.

Термин «механизм» широко используется в науке и практике при анализе традиционных и инновационных процессов. Важным аспектом деятельности по изменению реальности является выбор теоретических оснований подходов. Механизм (от греч. *mechanike*) означает преобразование движения, изменение положения тел в пространстве. Имея первоначально техническую подоплёку, этот

термин вошел в целый ряд научных специализаций: о движении материальных тел (механика сплошных сред, механика грунтов), замене ручных средств труда машинами и механизмами (механизация сельского хозяйства). Термином «механизм» не преминуло воспользоваться и обществоведение: в XVII–XVIII вв. сформировался мировоззренческий принцип механицизма, который при рассмотрении сложных общественных процессов абсолютизировал механические законы движения материи, сводил их к более простым формам.

Отбрасывать эти первоначальные смыслы понятия механизма, тем не менее недопустимо, поскольку идея толчка (резкого, плавного, жесткого, прямого, «косвенного») для преобразования существующего положения остается ведущим принципом.

Построение концепции целенаправленного и технологически оформленного изменения реальности опирается на теории модернизации, парадигмально признающие прогресс, понимаемый как постоянное движение от менее к более развитому состоянию объектов. При этом за образец, как правило, берутся черты западных обществ якобы универсальные, которые должны быть сформированы остальными обществами.

Сопоставление российских реалий после перехода страны на рыночный тип экономики с тем, что было взято за образец, показало наличие множества нестыковок между институционализацией новых связей и отношений и тем, что получилось в реальной жизни. Научное осмысление в рамках философии и социологии породило определение российской модернизации в понятиях консервативная, догоняющая, запаздывающая. Это во многом связано с развитием экономических отношений [1, с. 136–145], [2, с. 178–190].

В статье фигурируют ещё два термина, мало распространённые в социологических публикациях. Это человекосоразмерность и хорошее качество жизни. Первый из них использован Н.И. Лапиным для измерения потенциала регионов [2, с. 8–11], и он достаточно полно охватывает совместность благ и ценностей, получаемых человеком в организации, где он трудится и в пределах его обитания — дома, в учреждениях социальной инфраструктуры, в общении с членами своего общества и вне его. В конечном счете, это порядок удовлетворения потребностей индивида в границах сохранения физического и нравственного здоровья, сбалансированности обмена трудового вклада его для реализацию общественных целей и благами, возвращенными ему.

По нашему мнению, он является усеченным инвариантом понятия всестороннего развития человека, термина, ушедшего в прошлое вместе с обществом, которые его исповедовало. Однако в термине человекосоразмерность по сути присутствует гуманистическая составляющая, которую по определению отбросить невозможно. Производственная, как и бытовая среды, могут возвышать человека, но могут и унижать его достоинство. То же можно сказать и о стиле отношений в области «руководитель — подчиненный», «работодатель — наемный работник», «работник сферы обслуживания – потребитель» и т.д.

Термин «хорошее» использовала В.Г. Федотова [3], назвав свою книгу «Хорошее общество». Хорошее качество жизни словосочетание, позволяющее включать бессчетный набор элементов, составляющих качество, и в то же время оно содержит смысл его относительности. Ведь качество жизни сельской семьи всегда в чем-то будет отличаться от семьи, живущей в урбанистической местности, зачастую проигрывать ей по комфорту, но по каким-нибудь другим признакам, актуальным с позиции сохранения здоровья, социального настроения, экологически чистой пищи, оно (качество) может считаться более высоким. Не случайно в мире

распространены практики «удаления в деревню» представителей и богатых, и бедных слоев, испытавших все прелести жизни в «человечнике», большом городе.

В мировой экономической науке почти параллельно развивались два направления о человеке-работнике — инструментальное и социальное [4, с. 140]. Инструментальное направление сосредоточилось на способностях человека к труду, то есть демонстрирует отношение к нему как институту системы экономического развития.

В позднесоветский период в научном прикладном плане было сделано немало разработок по человекосоразмерности в сфере труда, которые применялись и в практике. Вступление российского общества в реалии раннего этапа капитализма ввергло трудовые отношения в порядок, присущей первоначальной стадии рыночной экономики. В конце XIX века господствовал подход к организации производственного процесса, в котором не было места чувствам, мотивам, ориентации работника. Из него стремились выжать максимум возможного: длительность рабочего дня до 16 часов, тотальный контроль посредством изощренных методов надзора.

Второй подход ищет резервы эффективности в самом работнике, акцентируя внимание на активизации его заинтересованности в результативности деятельности. Вступление человечества в постиндустриальную эпоху, хотя и диктует необходимость оценивать человека в качестве фактора экономической деятельности, главной ценностью всё-таки является его самооценности, и производство должно рассматриваться не как конечная цель, а как средство повышения жизненного уровня людей. Однако сложившееся социальное неравенство по-прежнему тормозит раскрытие потенциала человека в реализации его профессиональных, творческих, управленческих способностей.

Понятие социального механизма в научно-прикладном измерении используется в теориях, на которые опирается стратегическое управление: прогнозирование, как специфическая форма описания будущего, социальное проектирование и программирование, нацеленные на решение наиболее актуальных проблем, а также социальные технологии, алгоритмирующие деятельность в целях достижения заданного результата.

Механизм — это технологически оформленный программный продукт и деятельность широкого круга участников. Вся совокупность операций, процедур, выбор ресурсов направлены на ранее принятые программы, проекты и планы.

Особенно тесна связь социального механизма с прогнозом:

1) разные варианты будущего дают информацию с учётом их достоверности для выбора горизонтов (временной глубины), в которой будет задействован разработанный и принятый к исполнению механизм;

2) прогноз, особенно нормативный, включая определение путей и сроков достижения желаемого состояния объекта, сам предлагает мероприятия, способствующие этому;

3) специфические методы прогнозирования (сложная экстраполяция, моделирование, эксперимент) помогают разработчикам механизма адекватно оценить степень вероятности наступления тех или иных перемен с учетом ситуации, складывающейся на основе самоорганизации;

4) разработка базовой модели объекта является непреложной задачей как прогнозирования, так и разработки механизма воздействия.

Социальный механизм, включая в свой «интерес» экономику, выходит за границы экономической формы. Идея применения психологической методики в экономической науке, в особенности при исследовании формирования суждений

и принятия решений в условиях неопределённости, поддержана в 2001 и 2002 годах Нобелевской премией (присуждена профессору психологии Д. Канеману и профессору экономики В. Смиту).

Авторы доказывали, что проекты и решения, основанные на постулировании рационального выбора, индивидуальной независимости субъектов, не могут быть реализованы в «чистом» виде. Поэтому актуальными вопросами становятся обоснование того, как нарушается рациональность выбора, какие внешние (по отношению к экономике) факторы определяют поведение индивидуальных и коллективных акторов в пространстве хозяйствования. Жизненные реалии складываются так, что в них возникают тормозы внедрения новаций. Отсюда необходимо обращение не только к взаимодействующим субъектам, но и к другим элементам социума: территориальным сообществам, социальным группам, условиям жизнеустройства в фиксированных интервалах времени и с позиции последствий для них экономической динамики. Таким образом, вопросы реконструкции как в хозяйствовании, так в пространстве его осуществления, тесно связаны. Соответственно механизмы совершенствования, взаимообуславливая друг друга, могут быть успешными только во взаимосвязи.

Хотя социальный механизм должен действовать многосторонне учитывая состояние социального пространства, но в выборе его элементов необходимы ограничения с позиции необходимого и достаточного. Эти ограничения заданы ключевыми понятиями темы: стратегические приоритеты, социальные ресурсы, продовольственная безопасность, развитие сельских территорий. Базовая модель социального механизма, включая наработки разных наук о состоянии и тенденциях динамики объекта, в тоже время должна преодолевать синдром их отраслевой ограниченности, которая, как правило, проявляется в недоучёте человеческого измерения изменений в экономических отношениях, производстве, быте, расселении.

Социальный механизм становления хорошего качества жизни сельчан реализует свой потенциал с учетом специфики условий, в которых находятся объект. Первостепенную роль играет природный фактор, обуславливающий характер человеческой деятельности, плотность заселения территорий, соотношение промышленных и сельскохозяйственных предприятий, наличия крупных городов, центров производства ценностей духовной культуры. Сельские территории включают несколько слагаемых: населённые пункты, незаселённые пространства, которые эксплуатируются организациями и жителями местных сёл, самостоятельными группами, отдельными лицами из городов (собиратели даров природы) и хозяйственными структурами, пришедшими извне (агрохолдинги).

Фактор степени расселения поселений и плотность обитаемых местностей лежит в основе определения понятия сельская территория. В странах Запада, как правило, доминирует признак людности расселения, по которому оно относится к сельским или городским и то, какую долю трудовой занятости в ней имеют жители [5]. В США это объединённые территории с численностью населения менее 2500 чел., и другие территории, не включённые в число урбанизированных, имеющие развитую транспортную систему. Учитывается признак постоянной застраиваемости (благоустраиваемые) территории с концентрацией постоянного населения менее 1000 чел. и плотностью населения менее чем 400 чел. на 1 км. В Греции, Испании, Ирландии – это территории с численностью населения менее 2000 чел. В Дании — менее 200 чел., в Италии — территории с низкой численностью и малой плотностью населения, связанные с сельским хозяйством, а в Финляндии территории с низкой плотностью населения и рассеянным заселением.

В России к сельским территориям относится территория, включающая сельские поселения и межселенную территорию, находящейся вне границ поселений [6]. Признак «общие территории, объединенные в границах муниципального района» назван и в государственной программе Комплексного развития сельских территорий на 2020–2025 годы. При этом акцент сделан на совместность населенных пунктов сельской территории через принадлежность их к муниципальной структуре. Признак межселенных территорий, как объекта производственной деятельности жителей поселений, не менее значим, но он в определении не присутствует. Не менее значим состав и полнота элементов жизненного пространства села.

В числе направлений развития сельских территорий, разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), выделены:

- образование и обучение (образование взрослого населения, грамотность);
- занятость и рабочая сила/человеческий капитал (безработица, вынужденная неполная занятость, неблагоприятные условия труда);
- свободное время и досуг (количество свободного времени и формы его реализации);
- социальное окружение (принадлежность к социальной группе);
- товары и услуги (распределение доходов, бедность, материальные трудности и лишения, богатство и роскошь);
- частная безопасность (смертельные и тяжелые травмы, опасности, угрозы жизни и собственности).

Для того, чтобы в каждом из выделенных направлений (показателей) происходили определенные изменения, существует институт социальных стандартов подобно набору продуктов в потребительской корзине, включающий набор условий жизни, при которых, по словам Стиглица, жизнь приобрела бы качество «достойной» [7].

Хорошее качество жизни складывается в результате наличия большего набора стандартов, которые претворяются в жизнь. Их особенность — приближение к нормам большого города. Далеко не все сельские территории Российской Федерации могут презентовать себя в схожих измерениях. В средних и мелких поселениях применение подобных стандартов ограничено. В них доминирующее место занимает подручность, ориентированная на наличие уникальных объектов, отвечающих ценностям и смыслам обитателей сельских территорий.

Картина институционализации и функционирования социально-культурной инфраструктуры сельских поселений разного типа (по людности) отчетливее видится в пределах муниципального района. Там доминируют динамика быстрого исчезновения малых деревень и переход в их статус средних по людности сел. Включение в социальный механизм поддержки сельских территорий именно средних сел отвечает назревшей потребности облегчить жителям возможность пользоваться социальными благами. Однако сохранение этого типа сел в длительной перспективе проблематично, поскольку они малопривлекательны для ремигрантов, а собственный репродуктивный потенциал исчерпан.

Качество жизни трактуется в фокусе доступности и полноты использования материальных, социальных благ и духовных ценностей. Чем их больше, чем они разнообразнее, ближе к нормативам распределения и полнее в ценностном смысле насыщены, тем качество выше. На наш взгляд, это общее правильное определение качества нуждается в корректировке, когда в поле анализа берутся сельские реалии. Прежде всего, проблема доступности: при самом щедром выделении средств сельским территориям, увязать расположение объектов инфраструктуры,

чтобы они были в пределах доступности от жилья (аналогично нормативам ряда стран Запада) в условиях Российской Федерации труднодостижимая цель. Локальное сельское поселение может простираться на несколько километров, или быть совсем небольшим. Исключает ли такая ситуация возможность достижения хорошего качества сельской жизни? На наш взгляд, важна субъективная оценка качества. Приведем пример. Жители таежной глубинки, как правило, обитают в малых деревнях, а зимой мужчины несколько месяцев проводят в далекой охотничьей избушке, каждый день обходя «по путику» ловушки, вечера коротают при керосиновом фонаре, а то и при лучине. Но при таких неудобствах это для них хорошая жизнь, которую немногие готовы поменять на урбанизированную среду, обладающую множеством преимуществ. Кроме того, жители села, во-первых, хорошо сознают пределы возможного комфорта в сельских условиях, во-вторых, коммуникативно-информационная среда их повседневности динамично расширяется благодаря совершенствованию электронных средств передачи информации, и многие ценности культуры становятся доступнее.

Общие характеристики образа жизни сельчан корректируются влиянием двух факторов: природно-климатической спецификой зоны и пространственной концентрации экономики. Если первый фактор носит безусловный характер, жёстко определяя специализацию занятости людей, то второй обладает вариативностью. В случае особой поддержки регионов (Республики Татарстан, Свердловской области) происходит ускорение развития экономического потенциала городов, и это оживляет жизнедеятельность и сельских территорий. Однако влияние на села не повсеместно: чем удалённее они находятся от городов, тем слабее сельчане включены в производство сельскохозяйственной продукции и обменные отношения с городской средой. В настоящее время в стране немного городов, которые стали драйверами развития всего региона. Обычно в качестве исключения, позитивного примера указывают на города Москву и Санкт-Петербург, но и в этих областях по мере удаленности сел от центра к периферии влияние становится таким же слабым, как и в любом другом регионе. Москвичи, отъехав от столицы на 150–200 км, видят неустроенные деревни, разрушенную инфраструктуру, необрабатываемые поля.

В тоже время, повсеместно, даже вокруг городов с невысоким уровнем модернизации промышленности, сформировалась зона рекреационно-агросервисного типа с достаточно плотным сельским заселением и специфической аграрной специализацией (выпуск малотранспортабельной продукции, размещение торговых, перерабатывающих и логистических организаций). До 90% работающего населения сел таких зон заняты вне сельского хозяйства. Здесь много также дачных поселков, садоводческих товариществ, других объектов рекреации.

Особенности рекреационно-аграрного типа территорий заключается в их близости к городам, которые в разных формах (коттеджные, дачные, садоводческие посёлки, строительные, перерабатывающие, торговые, пищевые, промышленные предприятия, вкрапление пашни между ними), совершили экспансию в сельское пространство. Для сельского населения, неудовлетворенного условиями работы в формальных укладах сельского хозяйства, данная ситуация является благоприятной, поскольку возможности занятости возрастают. Нередко перерабатывающие предприятия, дислоцируемые в пригороде, рассылают автобусы в сельские территории, чтобы доставить на работу людей, живущих в деревне.

Не меньшей спецификой отличаются зоны сельских территорий, где преобладают организованные формы рекреационно-аграрной, аграрно-

рыбохозяйственной, аграрно-лесохозяйственной, аграрно-промышленной направленности. Соответственно и социальные механизмы преобразований будут во многом отличаться. Всего выделяются четыре группы регионов с учетом зависимости функционирования сельского хозяйства от поселенческой и социально-демографической структуры территорий [8, с. 190–196]. Среди них:

1) регионы с благоприятными природными и социально-демографическими предпосылками и крупными поселениями (равнинный Северный Кавказ, Центральное Черноземье); с разной степенью разреженности сельского расселения (юг Поволжья, Урала и Западной Сибири, республики Поволжья и Предуралья, республики Северного Кавказа и Сибири). Занимая 18% территории страны, они включают 64% сельского населения и производят столько же валовой продукции сельского хозяйства;

2) регионы с ограниченным социально-демографическим потенциалом и в разной степени неблагоприятными природными условиями: 19% территории России (часть областей Нечерноземья, Урал, часть регионов Сибири и Дальнего Востока);

3) регионы с природно-климатическими ограничениями развития сельского хозяйства, слабой освоенностью пространства куда входят север европейской части, Томская и Иркутская области, регионы Дальнего Востока);

4) сельские территории Московской и Ленинградской областей, где активно функционирует пригородное сельское хозяйство.

Многие проекты преобразований в стране на рыночной основе завязли в территориальном пространстве. По подсчетам Н.В. Зубаревич в регионах, обладающих значительными экономическими ресурсами для модернизации, живет одна четверть населения страны, в средних — почти 2/3; в слаборазвитых — 10–15%, 36% всего социума обитает в сельской местности, поселках и малых городах. Их потенциал, экономический и человеческий, наиболее слаб, что создает ситуацию поляризации модернизации. Контрасты развития усиливаются депопуляцией и миграциями [9, с. 59].

Возможности организованного переселения в труднодоступные регионы, какими были в советские годы и сегодня остаются Дальний Восток и другие северные регионы, которым пользовалось сельское население в бытность жизни без паспортов, чтобы вырваться из колхоза («завербоваться»), исчезли. В настоящее время только финансовые ограничения, бедность сельских семей, помимо еще сохраняющейся привязанности к малой родине, сдерживают их миграцию. Это усиливает маргинализацию обширных территорий. Сельское население стягивается к крупным городам независимо от степени развитости их производственного потенциала, что характерно не только для пространства вокруг Москвы и С-Петербурга, но и в внутритерриториальном измерении. Например, сельская местность зона доступности для работы в «маятниковом» режиме в г. Саратове заполнена селами очень плотно, но по мере удаленности за 100–150 км поселения редки.

Итак, сельские территории, существуя в разных природно-климатических зонах, отличаются друг от друга, иногда очень сильно. Есть различия и внутри региона, вплоть до муниципального района, связанные со степенью сохранения или растраты производственного и социального демографического потенциала. С учетом значимости разных факторов в жизни людей, иерархия факторов жизнестойкости сельского сообщества выстраивается в следующем порядке:

- характеристики социально-демографического состава;
- пространство трудовой занятости;

- состояние хозяйственно-жилого комплекса семьи;
- состояние общественной инфраструктуры;
- коммуникационная арена;
- информационная арена;
- организации поддержки разных групп общности:
- самоорганизация делового и досугового общения;
- организация контроля;
- преобладающее социальное самочувствие [10, с. 268].

Взвешивая отдельные признаки экономического, социального и антропологического характера, присущие сельским территориям, можно выделить три типа их: сбалансированное, несбалансированное и разбалансированное. И только совокупность взаимосвязанных организационных взаимодействий власти, коммуникаций, всех акторов локальных сельских территорий может придать социальному механизму организационное единство и дать проектируемые результаты.

Очевидно, что к каждому из выделенных типов неприменимы стандартные, схожие ресурсы социального механизма. В сельских территориях сбалансированного типа еще есть резервы для включения жителей экономически активного возраста в формализованные уклады, наиболее приемлемым из которых являются сельскохозяйственные производственные кооперативы. Однако нужно кардинально изменить институционализацию их образования, найти ресурсы для создания для них производственных фондов. Если в момент переоформления колхозов эти фонды могли образоваться, помимо долей участников, из еще не утраченного имущества и земель, то сейчас этого нет, а есть лишь материально слабо обеспеченные семьи, которым нечего внести в общий фонд кооператива. Между тем, на сопредельных с селом угодьях хозяйствуют богатые агрохолдинги, полностью игнорирующие понятие социальной ответственности перед территорией. Они без какого-либо ущерба для себя могли бы помочь сельским сообществам наладить участие их в самостоятельном хозяйствовании, а не только подминая под себя, как это происходит в настоящее время [11, с. 197–233].

Следует отметить еще один эксклюзивный феномен, влияющий на жизнестойкость сельчан и устойчивость отдельных сельских территорий, несмотря на недоступность многих социальных благ. Это подручность среды обитания, смысл которой отражает не пространственную близость актуальных благ и ценностей, а их доступность и соответствие потребностям жителей. Лес, река, пруд, сенокосы и пастбища, даже не примыкающие к поселению, могут выполнять функцию подручности, если они доступны для использования. Это достаточно сильный фактор устойчивости сельских территорий. Сущность этого феномена не понимали организаторы ликвидации «неперспективных» деревень, но именно потеря подручности подвинула жителей, вместо переезда в крупные села, покинуть навсегда сельскую местность. И сегодня у селян есть причина беспокоиться о потере подручности, поскольку многие природные блага перешли в частную собственность, стали менее доступными.

На наш взгляд, понятие подручности, в контексте хорошего качества жизни, можно распространить не только на природные предпосылки, но и на более широкий круг элементов жизненной среды сельских территорий. Становится очевидным, что первое место среди элементов подручности занимает доступность трудовой занятости, т.е. возможность иметь рабочее место (занятия, дела) в самом поселении (месте проживания) или в удаленной территории, расстояние до которой человек мог бы преодолеть без большой потери своих физических сил и времени. Эта тема находится уже четверть века, т.е. с момента ликвидации колхо-

зов, вне обсуждения и вне государственного регулирования. В государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», которая будет действовать с 2020 по 2025 годы по принятой методике (количество объектов, сумма финансирования, локалы размещения) данной теме также не нашлось места, лишь указано, что этим займется Минтруд по своей ведомственной подпрограмме. Однако, по объему ресурсов, находящихся в распоряжении этого министерства, и по своей функциональной направленности, оно не может открывать новые предприятия, соответственно не способно ничем помочь ни одной локальной сельской территории преодолеть узкий коридор трудовой занятости. Каналы обеспечения материального благополучия большинства сельчан остаются неизменными уже более четверти века: наемная работа в корпоративно-долевого и фермерском укладе, в местной социально-культурной инфраструктуре, трудовом отходничестве. Так же почти неизменным остается потолок заработной платы, поэтому сельская семья не может откладывать денежные накопления, отказывается использовать заемные средства для оплаты актуальных расходов.

По данным опроса 300 глав семей, проведенного сотрудниками ИАГП РАН в 2018 году, в Саратовской области и Республике Татарстан, у 57–60% были такие события в течение года, как свадьба, проводы в армию, приобретение жилья, расходы (ресурсы) на которые от 50 до 80% случаев взяты не из заработка на сельскохозяйственном предприятии, а из дохода от личного подсобного хозяйства. В настоящее время многие сельчане не имеют семейного хозяйства, или оно по масштабам очень мало и не может быть товарным. Каналы поступления средств — небольшая зарплата на сельскохозяйственном предприятии, пенсии старшей возрастной группы членов семьи. Таким семьям недоступно строительство нового дома, приобретение легкового автомобиля, отдых в санаторий, оплата обучения детей в вузах и колледжах. Разрешение этих сложных вопросов упирается в структуру хозяйственных организаций, которая создала недостаточно эффективные предпосылки для поддержания хорошего качества жизни на селе: при этом изменения первого десятилетия XXI века еще больше усугубляют ситуацию. Это связано с тем, что в регионах действуют 48 новых хозяйствующих субъектов-агрохолдингов, пять из них имеют от 505 до 790 тыс. га земли, 8 — от 436 до 300 тыс., 7 — от 280 до 200 тыс., 12 — от 197 до 112 тыс., 10 — от 110 до 100 тыс. [12, с. 280].

Концентрация ресурсов, безусловно, позволяет предприятиям данных формирований внедрять в производство современные технологии, создавать современные рабочие места с высоким уровнем автоматизации и механизации, обеспечивать высокий уровень оплаты труда и возможности профессионального и карьерного роста. Неслучайно, по мнению сельского населения рабочие места в агрохолдингах относятся к наиболее престижным и востребованным. Даже в условиях дефицита квалифицированных сельскохозяйственных кадров на селе (особенно рабочих профессий) наиболее успешные агрохолдинги имеют большое число претендентов на рабочие места. Последствия высоких темпов распространения агрохолдингов для развития сельских территорий преимущественно негативные: они фактически изъяли у крестьян огромные площади земли: дальнейшее распространение данных предприятий неизбежно ведет к уменьшению доли группы экономически активного возраста всего сельского населения. Последствия — сокращаются рабочие места в сельскохозяйственных организациях корпоративно-долевого укладов, снижается возможность для самозанятости, создания мелких и средних предприятий. Так, за последние десять лет сокращение числа занятых в

сельском хозяйстве составило 1,6 млн. человек. Например, в Республике Татарстан, где агрохолдинги взяли на себя производство молока, мяса и зерна в объеме 70–90%, число занятых в сельском хозяйстве сократилось в 2–3 раза [13, с. 65–82].

Угроза потери контроля над возделываемой землей населением сельских территорий и превращения их в жителей-временщиков на земле предков безусловно не может не влиять на социальное здоровье всего социума сельской России. Сельские жители относятся к агрохолдингам двояко: с одной стороны они рады тому, что можно получить рабочее место и соответственно оплату, с другой в общественном мнении села доминирует представление, что они могут организовать любую диверсию против благополучия сельской семьи. Так, принудительный забой свиней на подворьях, считают сельчане, является исполнением воли хозяев агрохолдингов под надуманным предлогом распространения эпидемии от домашних животных.

По данным исследования центра агропродовольственной политики РАН-ХиГС 0,1% сельскохозяйственных объединений (база данных Минсельхоза составляет 12 200 хозяйственных организаций разных укладов) имеет в собственности 2,4 миллионов га сельхоз угодий (13,6%), у 9,1% — собственной была вся используемая земля, тоже измеряемая миллионами гектаров. Зато у 62,3% сельскохозяйственных организаций из этого же списка в собственности земли нет. Параллельно с формированием латифундий идет концентрация активов и капитала: на долю 0,5% их пришлось 29% всех активов сельскохозяйственных организаций страны, они же в 2016 году получили 57,9% всех выданных инвесткредитов, 1% латифундий получил 2/3 кредитов. Обычным сельскохозяйственным предприятиям досталась лишь 12,4% общего объема отраслевого кредитования [14, с. 197–233]. Это вылилось за 2010–2015 годы в сокращение обеспеченности сельскохозяйственных организаций техникой: тракторов, зерноуборочных комбайнов, культиваторов, косилок и других установок стало меньше на 16–20%, свеклоуборочных машин, сеялок и плугов на 25% [15, с. 74].

В заключении отметим, что качество жизни сельских территорий зависит от концептуализации предназначения села, его социально-экономических функций. Жизненная среда деревни, независимо от того, в какой природной зоне она находится и какова её людность, имеет схожие черты, что отражается в ценностных ориентациях и смыслах жителей. Однако есть и особенности в мотивации жизнеустройства именно в сельских территориях. Одних устраивает в большей степени, что село находится в территориальной близости от города и в нем можно найти работу, не покидая свое место жительства. Другим наоборот удаленность села от транспортных магистралей и городов кажется выгодной, поскольку нет наплыва «чужих» сборщиков ягод и грибов. Специфика образа жизни селян зависит и от экономико-производственной составляющей, как в локале их проживания, так и в регионе.

Пространственно-территориальные различия в аграрной занятости и локальные особенности образа жизни обуславливают использование нескольких типов социальных механизмов преобразования жизненного пространства села. Одно дело, когда сельская местность нагружена предприятиями новых укладов. Здесь занятость одного-двух членов семей на сельскохозяйственном предприятии является нормой. Другая ситуация – когда количество предприятий аграрных невелико, во многих селах вообще нет работодателей. В средних и мелких деревнях людей экономически активного возраста почти не осталось, поэтому доля личных подсобных хозяйств и особенно товарного типа тоже невелика. И если рассчитывать на вероятных переселенцев в такие села, надо ответить на вопрос — с чего

они будут кормиться, каковы каналы обеспечения материального благополучия. Работодателей в таких деревнях, как правило, нет, остается ЛПХ, которое вряд ли смогут вывести на товарный уровень из-за большой удаленности рынков сбыта. Тем не менее новоселы пополняют и такие поселения, руководствуясь самыми разнообразными мотивами. Наиболее часто это делают семьи, с детьми дошкольного и начального школьного возраста, которые не адаптировались к условиям города.

Хозяйственная структура аграрного сектора устоялась, новые организации (кроме редчайших случаев в области туристического бизнеса) не возникают. Технология вхождения в фермерский уклад институционально определена, но для этого претендент должен обладать 3–5 миллионами собственных средств, накопить которую, работая в сельскохозяйственной организации или занимаясь ЛПХ, крайне трудно. Есть немало и других условий, выступающих ограничениями, преодолеть которые можно лишь при грамотном сопровождении специалистами и при поддержке муниципалитетов. Например, в Республике Татарстан обеспечение залога по кредитам банков на создание высокотехнологичных семейных ферм берут на себя властные органы, но эта практика не распространена в других регионах.

Новая парадигма социальной функции сельских жителей, которыми будут не одни работники аграрного сектора, ну и просто жители, независимо от способа обеспечения ими своего материального уровня, предполагает корректировку и социального механизма поддержки условий их жизни. Крен смещается на обеспечение поселений услугами, приближаясь к нормативам, действующим в странах с высокоразвитой сельской территорией. Главный признак нормальной сельской жизненной среды — доступность социальных благ: медицинского обслуживания, образования, духовно-культурного потребления и творчества.

Реализация расширения участия сельских жителей в отборе актуальных вопросов жизнеустройства — один из новых посылов Программы комплексного развития территорий. Это предполагает необходимость определенной работы с жителями каждого села для выявления их потребностей и состояния внутренних ресурсов «сберегающего» обновления. Сельское сообщество и частично занятые на сельскохозяйственном предприятии представляют собой своеобразный организм, который включает ресурсы и трудового коллектива, и поселенческой общности. Но потенции их не отличаются равноположенностью: собственники и менеджмент организаций будут скорее ориентировать трудовой коллектив не на альтруистические благотворительные акции во имя процветания деревни, а на производственные цели. Сообщество связано с сельскохозяйственным предприятием достаточно поверхностно. Вспашка огородов, приобретение фуража, пиломатериалов — все это хотя и доступно, но делается на обмене ресурсами на рыночных условиях, не всегда эквивалентном.

Дороги, газификация, социокультурная инфраструктура — это все необходимо как одно из направлений формирования человекосоразмерности бытовых условий жизни. Другое актуальное направление — каналы поступления ресурсов выживания сельской семьи, которые нужно совершенствовать и создавать новые. В основе её — наполнение жизненного пространства локальных сельских территорий ресурсами социальной инфраструктуры соответственно стандартам, принятым в европейских странах, с поправкой на протяженность российского территориального пространства и на типы сельских сообществ с учетом их состояния: стабильности, слабой сбалансированности или разбалансированности.

Другая модель социального механизма по своей направленности должна быть *поисковой*. Цель её отбор форм организации жизнеустройства сельских территорий в проекции большой глубины будущего времени. Никто сегодня не может сказать какой она будет через 30–50 лет. Будущая реальность складывается путем отбора форм, которые наиболее полно преодолевают тупики развития, присущие современной миросистеме, утверждал известный социолог Иммануил Валлерстайн в книге «После либерализма» [16, с. 256].

Обвал количества сельских жителей, вопреки оптимистическим прогнозам, может наступить из-за резкой убыли молодежи и отсутствия перспектив её воспроизводства. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» включает многие из актуальных для сельского социума областей жизнеустройства, но их значительно больше. На выполнение программы выделяются значительные суммы, и это вселяет надежду, что в регионах властные структуры включают в поле своей деятельности и те вопросы, о которых мы пытались сказать в нашей статье.

Для аграрной социологии здесь представлено широкое поле изысканий и сопровождение претворения новаций в жизнь. Угрозы и вызовы функционирования агросферы вполне реальны: демографический состав села, из которого должна формироваться экономически активная группа и её резерв, истончен. Высказываются предположения, что этот резерв иссякнет в течение жизни одного-двух поколений (исключая регионы юга). В прогнозах демографов тенденции численности сельского населения предыдущих периодов слишком плавно переносятся в будущее и складывается относительно благополучная картина.

Соответствие социального механизма идее становления хорошего качества жизни сельских территорий зависит от методологических основ концептуализации развития села, особенностей применения организационных и материально-технических ресурсов. Смыслы концептуализации преобразований в селе и аграрном секторе среди ученых-аграрников и чиновников ведомств, причастных к управлению этой областью, во многом отличаются. Существуют представления о наступлении предела дееспособности человеческого потенциала села и отсутствии у государства ресурсов, чтобы поставить барьеры на пути дальнейшего его истощения.

К сожалению, эти представления доминируют, что отражается на выборе ориентиров аграрной политики. Распространение агрохолдингов отражает факт отсутствия у органов, ответственных за развитие сельских территорий, смысла развивать структуру аграрной экономики, в которой было бы место массовым слоям сельского населения, хотя на начальном этапе аграрной реформы для этого была создана институциональная основа. Речь идет о сельскохозяйственных производственных кооперативах, форме, которая соответствовала коммунальности реальной культуры постколхозного крестьянства. Но этот уклад требует много забот, организационных усилий, повседневной помощи — ресурсов, которых оказалось мало у местных органов власти, и хозяйственная самодеятельность населения замерла, осталась лишь у 10% семей, отважившихся вести ЛПХ на уровне товарности. Другие уклады, корпоративно-долевой и фермерский, не нуждаются в большом количестве работников. Сельская семья (почти независимо от величины сельской территории) живет в режиме неопределенных и ненадежных вариантов зарабатывания средств выживания. Это общая проблема всех сельских жителей природно-климатических зон расселения. Несколько смягчена она в сельских территориях, близкой периферии крупных городов, в которых можно найти работу или рынок сбыта продукции ЛПХ. С учетом этих реалий мы полагаем, что

социальный механизм становления качества жизни, отвечающего критериям человекообразности должен включать:

1) признание на концептуальном и институциональном уровне необходимость совершенствования жизнеустройства сельского населения острой проблемой, которая должна стать более актуальной в политике социального государства;

2) на основе применения программно-целевого подхода к решению проблем совершенствования жизненного пространства, обеспечение наиболее полного охвата всех аспектов повседневности сельской семьи, влияющих на здоровое, социальное самочувствие. В первую очередь это доступность рабочих мест и достойная оплата труда;

3) усиление научной междисциплинарности в разработке социального механизма воздействия на разные стороны жизни сельских территорий, поддержку усилий ученых и практиков по уточнению базовых и разработке поисковых моделей активного преобразования села.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Яницкий О.Н. Модернизация России и вокруг: конспект // Социс, № 5, 2011. С.136. Драч Г.В. Модернизация России: контекстуальность проблемы // Логос. 5 (44), 2004. С. 178–190.
2. Лапин Н.И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всеросс. науч.-практ. конференции. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 8–11.
3. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
4. Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С. Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России, 2003, № 1. С.140.
5. Trends in Rural Policymaking and Institutional Frameworks, OECD, 1999.
6. Федеральный закон о 18 декабря 2004 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
7. Stiglitz Joseph. Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: http://www.oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/2793/. Progress_.html.
8. Нефедова Т.Г. Перспективы регионального развития сельского хозяйства и сельской местности // Социально-экономическая география: традиции и современность. Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М., 2003. С. 181–198.
9. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Пространственная экономика. Мир новой экономики. № 2/2017. С. 59.
10. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации: [монография] / под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Научная книга, 2012. С. 268.
11. Фадеева О.П. «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоёвывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение: Теория. История. Современность : ученые записки. 2015. Вып. 10 / [под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина]; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. М.: Дело, 2015. С. 197–233.
12. Абакумов И. Захваченные перспективы. Агрохолдинги могут оставить страну без сельского населения. URL: <http://agrovesti.net/news/indst/zakhvachennye-perspektivy-agroholding-mogun-ostavit-stranu-bez-selskogo-naseleniya/html> (дата обращения: 31.03. 2018 г.). Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. С. 280.
13. Нефедова Т.Г. Перспективы регионального развития сельского хозяйства и сельской местности // Социально-экономическая география: традиции и современность. Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М., 2003. С. 65–82.

14. Шарайда Н., Узун В. Как агрохолдинги меняют сельское хозяйство // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/22/792164-agroholdingi-menyaut>.
15. Кулов А.Р., Соловьева Н.Е. Состояние технической обеспеченности сельского хозяйства и тенденции развития на современном этапе // Научный результат. Экономические исследования. Т. 3, № 2. 2017. С. 74.
16. Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

REFERENCES

1. Yanickij O.N. Modernizaciya Rossii i vokrug: konspekt [Modernization of Russia and around: compendium]. Socis, No. 5, 2011. P. 136. Drach G.V. Modernizaciya Rossii: kontekstual'nost' problemy. Logos. 5 (44), 2004. Pp. 178–190. (In Russ.).
2. Lapin N.I. Podhod k sociokul'turnoj tipologii regionov [An approach to the sociocultural typology of regions]. Sociokul'turnye portrety regionov Rossii: Opyt kompleksnoj realizacii: sb. materialov IV Vseross. nauch.-prakt. konferencii. 18–22 sentyabrya 2008 g., Cheboksary. Cheboksary: CHGIGN, 2008. Pp. 8–11. (In Russ.).
3. Fedotova V.G. Horoshee obshchestvo [Good society]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2005. 544 p. (In Russ.).
4. Borodkin F.M., Kudryavcev A.S. Chelovecheskoe razvitie i chelovecheskie bedy [Human development and human troubles]. Mir Rossii, 2003, No. 1. P.140. (In Russ.).
5. Trends in Rural Policymaking and Institutional Frameworks, OECD, 1999. (In Eng.).
6. Federal'nyj zakon o 18 dekabrya 2004 goda № 186-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». [Federal Law of December 18, 2004 No. 186-FZ “On Amending the Federal Law “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”]. (In Russ.)
7. Stiglitz Joseph. Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Available at: http://www.oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/2793/Progress_.html. (In Eng.).
8. Nefedova T.G. Perspektivy regional'nogo razvitiya sel'skogo hoz'yajstva i sel'skoj mestnosti [Prospects for the regional development of agriculture and rural areas]. Social'no-ekonomicheskaya geografiya: tradicii i sovremennost'. Pod red. A.I. Shkirinoj i V.E. Shuvalova. Moscow, 2003. Pp. 181–198. (In Russ.).
9. Zubarevich N.V. Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki [The development of the Russian space: barriers and opportunities of regional policy]. Prostranstvennaya ekonomika. Mir novoj ekonomiki. No. 2/2017. P. 59. (In Russ.).
10. Velikij P.P. Rossijskoe selo. Processy postsovetsoj transformacii: monografiya. pod red. Yu.S. Voronova [The processes of post-Soviet transformation: monograph. ed. by Yu.S. Voronov]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2012. P. 268. (In Russ.).
11. Fadeeva O.P. «Delo bylo v Pen'kove»: kak agroholdingi zavoevyvayut sel'skie rajony Sibiri [“It was in Penkov”: how agricultural holdings conquer rural areas of Siberia]. Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost': uchenye zapiski. 2015. Iss. 10. [pod red. A.M. Nikulina, M.G. Pugachevoj, T. Shanina]. Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF. M.: Delo, 2015. Pp. 197–233. (In Russ.).
12. Abakumov I. Zakhvachennye perspektivy. Agroholdingi mogut ostavit' stranu bez sel'skogo naseleniya [Captured prospects. Agricultural holdings may leave the country without a rural population.]. Available at: URL: <http://agrovesti.net/news/indst/zakhvachennye-perspektivy-agroholding-mogun-ostavit-stranu-bez-selskogo-naseleniya/html> (accessed: 31.03. 2018 g.). Itogi Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj perepisi 2016 g. P. 280. (In Russ.).

13. Nefedova T.G. Perspektivy regional'nogo razvitiya sel'skogo hozyajstva i sel'skoj mestnosti [Prospects for the regional development of agriculture and rural areas]. Social'no-ekonomicheskaya geografiya: tradicii i sovremennost'. Pod red. A.I. Shkirinoj i V.E. Shuvalova. Moscow, 2003. Pp. 65–82. (In Russ.).
14. Shagajda N., Uzun V. Kak agroholdingi menyayut sel'skoe hozyajstvo [How agricultural holdings change agriculture]. Available at:
<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/22/792164-agroholdingi-menyaut>.
(In Russ.).
15. Kulov A.R., Solov'eva N.E. Sostoyanie tekhnicheskoy obespechennosti sel'skogo hozyajstva i tendencii razvitiya na sovremennom etape [The technical condition of agriculture and development trends at the present stage]. Nauchnyj rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya. Vol. 3, No. 2. 2017. P. 74. (In Russ.).
16. Vallerstajn I. Posle liberalizma [After liberalism]. Ed. by B.Yu. Kagarlickiy. Moscow: Editorial URSS, 2003. 256 p. (In Russ.).

Информация об авторе: Великий Пётр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.09.2019

После доработки: 10.10.2019

Принята к публикации: 20.10.2019

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Peter P. VELIKIY, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problem of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

Received: 17.09.2019

Received after reworking: 10.10.2019

Accepted for publication : 20.10.2019

The author have read and approved the final manuscript